

Светлана Алешина

Обаяние «новых русских»

Часть сборника
Охотничий инстинкт (сборник)

Новая русская

Светлана Алешина

Обаяние «новых русских»

«Научная книга»

2000

Алешина С.

Обаяние «новых русских» / С. Алешина — «Научная книга», 2000 — (Новая русская)

«...В половине девятого с завтраком было покончено, и Филимонов в сопровождении Игоря вышел на улицу. Сразу же их ослепили яркие лучи июльского солнца. Филимонов забыл дома солнечные очки и поэтому тут же закрыл глаза ладонью. «Черт побери», – только и успел подумать он, как внезапно ноги у него подкосились, и он упал на асфальт перед своим подъездом, больно ударившись локтем. Рядом послышался сдавленный стон. Какие-то неизвестные напали на его охранника Игоря и двумя достаточно профессиональными ударами сбили его с ног. Нападавших было трое. Когда Игорь оказался на земле, хулиганы, в нарушение всех правил честного боя, буквально замесили его ногами, вдобавок еще и выкрутив руку. Игорь издал еще один сдавленный звук и, немного погодя, затих. После этого Филимонов, который сделал попытку подняться с асфальта, получил удар кулаком в лицо. – Вы кто? – спросил он, снова оказавшись на земле и не видя нападавших в лицо. – Что вам надо?...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Светлана Алешина

Обаяние «новых русских»

Глава 1

«И зачем это все было?» – с досадой подумала Лариса, рассматривая старые свадебные фотографии. Она тогда была совсем юной, со смешной химией, которая сейчас смотрелась бы явным анахронизмом. Но тогда, в восьмидесятых, все так ходили.

И Евгений тоже смотрелся крайне нелепо с усиками, в своем австрийском костюме. Если убрать эти усики, вообще был пацан пацаном. Ему бы в жизни еще пообтереться, а потом уж и жениться.

Да, слишком много с тех пор воды утекло. Сейчас она, прожив в браке больше десяти лет, скучает в своей трехэтажной квартире, а муж живет за восемьсот километров, в столице. Так уж распорядилась судьба.

Уже почти год минуло с того момента, когда Лариса на экране телевизора увидела пленку, на которой были документально зафиксированы кадры, где ее муж изменял ей с посторонней женщиной. Конечно, им обоим уже за тридцать, и надо было бы привыкнуть к тому, что в этом возрасте никто не застрахован от связей на стороне. Ну что, собственно, в этом такого?!

Ну завела бы она себе любовника, и все! Так нет же, надо было пойти на разрыв. Не могла она поступить иначе после того случая. А Евгений, откровенно говоря, не очень и сопротивлялся.

Разрыв был не окончательным, никакого официального оформления, просто раздельное проживание: он – в Москве, она с дочерью – в Тарасове.

И вот уже почти год они с супругом практически не виделись. Только на новогодние праздники он появился в Тарасове. Общение было достаточно формальным. Евгений, как всегда бывало и раньше по праздникам, практически не просыхал, а потом, протрезвев и обидевшись на холодность Ларисы, уехал обратно в столицу. Лариса жила по-прежнему вместе с Настей, которая пошла в этом году в шестой класс. Будучи не в силах замкнуться исключительно лишь на дочери, Лариса снова вернулась к активной деятельности в ресторане «Чайка», фактической владелицей которого была уже почти восемь лет.

Она почувствовала сполна свое одиночество весной, с наступлением апреля. Когда природа расцвела буйным цветом, в душе ее царил беспросветный мрак и холод. Появившийся где-то в конце мая на горизонте Ларисы некий молодой человек по имени Владимир Путов заполнил пустую нишу в ее душе. Он был вполне респектабелен, и, хотя по социальному положению стоял несколько ниже самой Ларисы, это ее несколько не смущало.

– Мама, какие у тебя на сегодня планы? – прозвучал неожиданно голос из-за двери.

Внезапное вторжение в ее мысли заставило Ларису вздрогнуть, отложить в сторону старый фотоальбом и бросить взгляд на дверь. Секунду спустя на пороге комнаты появилась Настя. Она была одета в домашний халатик, сквозь который уже начинали проглядывать пока еще незрелые формы юной девушки.

По голосу дочери Лариса поняла, что та находится не в самом лучшем настроении.

– А что такое, солнце мое? – спросила Лариса.

– Просто так, интересуюсь, – ответила Настя и пристально посмотрела на мать.

– Просто так ничего не бывает.

– Просто... – Настя задумалась, покрутилась на месте и вдруг выпалила: – Я хотела выяснить, не знаешь ли ты, когда приедет папа.

Лариса сразу же помрачнела, вздохнула и сказала:

- Не знаю.
- Так позвони ему, я соскучилась.
- Сама позвони.

Настя нахмурилась, сказать ей в ответ было нечего, однако она продолжала стоять на месте. Лариса решила разрядить напряженность, но вместо этого лишь больше ее усугубила.

– Еще что-нибудь? – спросила она нетерпеливо.

– Да, – с вызовом сказала Настя. – Я подумала и решила, что твой дядя Володя мне надоел.

Лариса удивленно подняла брови вверх. Этого еще не хватало. Дочь и раньше весьма прохладно относилась к новому увлечению матери, а сегодня, видимо, решила осуществить прямое вторжение в ее личную жизнь.

– А мне пока нет, – с улыбкой ответила Лариса.

– А мне – да, – упрямо повторила Настя.

– Ну ладно, ты вначале спрашивала меня про мои планы. Так вот – сейчас я собираюсь и еду в ресторан. У меня сегодня там много дел. А ты не скучай, сиди дома и делай что вздумается.

Лариса подошла к дочери и вознамерилась было обнять ее, но та отстранилась и пошла в глубь комнаты, туда, где только что сидела Лариса. Она увидела фотографии, которые та рассматривала, села на диван и углубилась в их просмотр.

«Ну что ж, пускай хоть этим займется», – мысленно вздохнула Лариса и вышла за дверь. Нужно было бы отправить ее куда-нибудь на август. Хотя бы на Волгу, что ли, к родителям на дачу... После того как Лариса с Настей съездили на неделю в Швейцарию месяц назад – первый раз без папы, – дочка откровенно скучала дома.

«А может быть, я слишком разбаловала ее?» – мелькнула мысль у Ларисы, когда она спускалась в гараж, где стоял ее «Вольво». Другие дети не видели и половины того, что видела Настя, у них не было и малой толики тех вещей, которыми была забита квартира Котовых.

«Не надо развивать в детях пресыщенность!» – пришли Ларисе на ум слова ее отца, сказанные как-то раз в споре по поводу образа жизни, который вела она, жена богатого нового русского.

Может быть, об этом стоит подумать... Лариса завела мотор машины и выехала на улицу. За рулем мысли снова одолели ее. В последнее время, увлекшись романом с Володей, она как-то отодвинула на второй план Настю. И сразу почувствовала отчужденность со стороны дочери. Господи, как же все это совместить-то? Интересы Насти, Володю, работу... Чертовщина какая-то.

Лариса, несмотря на то что была весьма упорядоченной и рациональной личностью, иногда под напором жизненных обстоятельств терялась и не знала, что же является наиболее важным в первую очередь. Вот и сейчас так произошло.

Ну ничего, жизнь сама, наверное, подскажет, на что направить свою энергию. Уж чего-чего, а энергии Ларисе было не занимать. С этой оптимистической мыслью она вышла из машины, откинула свои пышные светлые волосы назад, подняла темные очки вверх, используя их в качестве обруча для волос, и своей обычной целеустремленной походкой вошла в вестибюль ресторана «Чайка».

– Лариса Викторовна, привет! – прокартавил навстречу ей коренастенький живчик в темной рубашке и светлых штанах.

– Здравствуй, Степаныч, – улыбнулась она ему в ответ.

Дмитрий Степанович Городов работал в «Чайке» где-то год и считался главным заместителем Ларисы по хозяйственным делам. Ему было под сорок, хотя выглядел он старше своих лет. Причиной тому было его лицо красного цвета, периодически переходившего в землистый. Ко всему прочему Городов был ворчливым и скептически настроенным человеком, и

его манера общаться более соответствовала бы старику на пороге семидесяти, чем цветущему мужчине в сорок лет. Поэтому за ним в ресторане закрепилось разбитное прозвище Степаныч, которое больше подошло бы шоферу или начальнику участка на заводе.

Полную противоположность Степанычу являла Дина Городова, его родная сестра, которой только-только исполнилось двадцать два года. Ее отличали от брата не только большая разница в возрасте, но и характер. Дина была девушкой легкомысленной, даже распушенной, никогда не ворчала и была оптимисткой даже в самых критических ситуациях.

Она совсем недавно поступила работать в ресторан экономистом. Работу свою она выполняла прилежно, но не более того. В ресторане ходили слухи, что у Дины есть богатый любовник, и поэтому особого стремления сделать карьеру у нее не наблюдалось.

Лариса увидела Дину у своего кабинета. Темноволосая красавица сидела, томно опустив глазки, и держала в руке листок бумаги.

– Привет, – ласково сказала ей Лариса. – Ты ко мне?

– К вам, Лариса Викторовна, – вздохнула Дина.

– А что так тяжело вздыхаешь? И что так официально? Можно подумать, что я совсем уже старуха...

– Дело в том, что я покидаю вас, – не обращая внимания на кокетливый тон Ларисы, произнесла Дина.

– Как – покидаешь? – удивилась Лариса, осторожно кладя сумочку на стол.

– Вот заявление. – Дина подала ей листок бумаги.

Лариса пробежала глазами заявление и поняла, что Дина Городова больше не хочет работать в ее ресторане экономистом.

– Что-нибудь случилось? – подняла Лариса глаза.

– Нет, – равнодушно ответила Дина. – Просто надоело.

Лариса выдержала паузу, пожала плечами и спросила:

– Может быть, все-таки что-то произошло? Почему так срочно?

Действительно, абсолютно ничего не предвещало такого развития событий.

– Может, тебе просто надо в отпуск? Небось влюбилась в кого-нибудь и страдаешь...

– Я? Влюбилась? – Дина посмотрела на нее своими шаловливыми карими глазами с таким удивлением, как будто Лариса сказала ей нечто невероятное. – Да ни за что! – Она закончила фразу решительно и безапелляционно.

– Ну ладно, – примирительно сказала Лариса. – Не хочешь говорить – не надо. Но ты все же подумай, место-то может, что называется, уйти... Эмоции – вещь хорошая, но отнюдь не всегда.

– Нет, я не боюсь потерять место, – еще более жестко произнесла Дина.

Чувствовалось, что дальнейший разговор и расспросы Ларисы о том, что же побудило ее на такой шаг, становятся ей неприятны.

– Если я этим вас обидела, простите меня, пожалуйста, – вдруг произнесла Дина.

– Нет, ничего. Какие обиды, ты что! Получи расчет и гуляй смело.

– Спасибо, – тихо сказала Дина и, не оборачиваясь, вышла из кабинета директора.

«Черт знает, что такое», – подумала Лариса, как только дверь за Диной закрылась. Денек начался весьма неожиданно. Лариса достала свои любимые «Кент Лайтс» и закурила.

Наверное, все-таки что-то на личном фронте у нее... Младшая Городова слегка раздражала Ларису своей непоследовательностью и чрезмерной импульсивностью. Может быть, это возрастное, конечно... Но порой за импульсами она замечала и сугубо меркантильный расчет. Например, не так давно Дина была увлечена одним красавцем, приходившим постоянно в ресторан. Однако как только она выяснила, что этот самый красавец живет за счет своей жены, и у него у самого в кошельке ничего нет, то сразу же к нему остыла.

– Лариса, у Петровича брать мясо я отказываюсь. В прошлый раз он привез нам такие мослы, что делать из них было просто нечего. Или пусть снижает цены, или сам скармливает такое мясо своим домочадцам, – послышался голос Степаныча.

Он обычно заходил к ней в кабинет довольно бесцеремонно, без стука. Сначала это Ларису бесило, потом она привыкла. Степаныч при всей своей неотесанности был образцовым заместителем, очень надежным и мог даже претендовать на звание заслуженного трудоголика.

– Ты лучше скажи, что там у твоей сестры приключилось, – прервала его Лариса. – Чего это она вздумала от нас уволиться?

– Уво-лится? – Багровое лицо Степаныча выразило крайнюю степень удивления.

– Ты что, не знаешь? – в свою очередь удивилась Лариса. – На, возьми почитай.

Она придвинула ему листок с заявлением Дины. Тот пробежал его глазами и нахмурился.

– Херня какая-то, – проворчал он. – Ладно, разберусь. Давай насчет мяса.

Наверняка разговор на экономические темы продолжился бы, однако телефонный звонок прервал беседующих.

– Алло, – подняла трубку Лариса.

– Привет ресторану «Чайка» и птичке, над ним порхающей, – насмешливо-помпезно прозвучал в трубке мужской голос.

Этот голос вот уже три месяца радовал Ларису как по телефону, так и при личных встречах. Он принадлежал ее другу Владимиру Путову. Они познакомились в ее ресторане весной.

Тогда состоялось учредительное собрание ассоциации предпринимателей, куда входила и Лариса. Путов же являлся, по сути дела, правой рукой человека, который впоследствии был избран руководителем ассоциации. В ресторане, естественно, по этому случаю был устроен банкет. Места Ларисы и Володи оказались рядом...

Владимир, несмотря на свою колоритную внешность, сердцедом-Казановой не был. Ларисе тогда показалось вполне нормальным, что после банкета он не стал стандартно говорить ей о том, какая она красивая и что до встречи с ней всю его жизнь можно считать лишь черновиком в ученической тетради. Нет, он вполне искренне рассказал, что жалеет о своей супруге, погибшей в прошлом году, как ему трудно с сыном и так далее...

Романтические отношения завязались у них не сразу. Опять же помог случай: они оба оказались заядлыми театралами и встретились однажды на премьере местного театра драмы. После спектакля Владимир любезно проводил ее с подругой, и совершенно естественным было продолжение вечера дома у Ларисы...

С тех пор прошло уже три месяца, они были насыщены событиями. Это были встречи, цветы, шампанское, объятия, признания. Словом, все как положено. Только с некоторой поправкой на возраст, без молодежной бесшабашности и неуклюжести.

– У тебя сегодня какой-то особо торжественный голос, – с улыбкой заметила Лариса.

– Дело в том, что для этого есть повод. Я собираюсь навестить тебя и сказать что-то важное.

– Телефонные провода не выдержат важности вашего сообщения, Владимир Игоревич? – игриво спросила Лариса.

– Конечно, они просто расплавятся, и телефонное сообщение огромного миллионного города окажется под угрозой. Я не могу подвергать население нашего Тарасова таким жестоким катаклизмам, Лариса Викторовна. Уж извините меня, пожалуйста...

Общение друг с другом по имени-отчеству было принято у них давно, со времени знакомства. И несмотря на то, что с тех пор их отношения перешли в роман, все равно время от времени в разговоре между собой, особенно телефонном, они сбивались на этакий напыщенный тон, более соответствующий салонным речам девятнадцатого века.

– Какое время вас бы устроило?

– Время обеденного перерыва, – сказал Путов уже более будничным тоном. – То есть через два с половиной часа.

– Место встречи...

– Изменять, наверное, сегодня нецелесообразно, – закончил Владимир мысль Ларисы.

– В таком случае я сейчас займусь делами, чтобы общение с Владимиром Игоревичем было лишено нервозности. А то ведь я все-таки деловая женщина и чувствую себя напряженно, когда дела не сделаны.

– Безусловно, – согласился с ней Владимир. – Я подъеду в половине первого.

Лариса положила трубку и, еще не успев убрать улыбку с лица, наткнулась на угрюмую физиономию Степаныча.

Он сидел, уставив свои красные глаза куда-то в потолок, как бы в смущении от тех игривых выражений, которые только что невольно услышал.

– У Людмилы будем брать мясо, – решительно сказала Лариса, вернув мысли своего заместителя в деловое русло.

Степаныч почесал голову, слегка подумал, прикидывая своими по-крестьянски обстоятельными мозгами все за и против, но не нашелся что возразить.

– Да, и еще... Клиенты просят новое блюдо, ну, то, что вы привезли из последней поездки.

Степаныч придвинул к Ларисе листок, на котором была отмечена статистика заказов по ресторану за прошлую неделю. Салат из артишоков, который был запущен в производство две недели назад, стремительно набирал популярность.

– Хорошо. Закупай необходимое.

– Все понял, – со вздохом резюмировал Степаныч. – Кроме одного, – после паузы уточнил он. – Что с Динкой-то приключилось?

– Иди узнай, в конце дня мне доложишь, – уже более равнодушно, чем прежде, сказала Лариса. – Мне сейчас некогда.

Действительно, сейчас ей было не до проблем с экономистом Диной, поскольку все мысли ее были заняты предстоящим обеденным рандеву со своим бойфрендом.

Она не проводила Степаныча взглядом и не заметила, как он вышел из кабинета. Ей в этот момент показалось более важным заняться придирчивым изучением собственной внешности в зеркале, стоявшем на столе.

Они встречались в основном у нее в ресторане, в специальном, так называемом Зеленом, кабинете, оборудованном в свое время для приемов различных важных гостей. Этот кабинет, непонятно почему, очень нравился Насте, и, когда она посещала маму на работе, все время просила отвести ее именно туда.

Мысли Ларисы невольно снова сконцентрировались на дочери. Отношения Владимира с Настей как-то не заладились с самого начала.

Дочка была очень привязана к отцу. Несмотря на то, что видела она его очень редко, папа, видимо, воспринимался ею как некий незыблемый утес домашнего спокойствия. И как бы Лариса ни была зла на Евгения, она не могла не учитывать того факта, что он был хорошим, заботливым отцом. Правда, его родительские функции по времени были несколько ограничены, и вполне может быть, что именно из-за этого он был так заботлив и внимателен к дочери.

Так вот, когда появился Владимир, он чересчур резво начал играть роль второго папы, а Настя это сразу почувствовала и стала всячески ему противодействовать.

Повод был самый невинный – английский язык. Дело в том, что Владимир почти в совершенстве знал английский, а у Насти как раз с этим предметом не ладилось. Однако занятия языком, за которые Лариса стояла горой, срывались из-за совершенно издевательского тона Насти по отношению к дяде Володе.

Ларису это очень злило, но она понимала, что дочь с каждым годом взрослеет и, собственно, демонстрирует те самые колючки в характере, которые были свойственны и самой Ларисе. Видимо, передалось что-то в генах. Неуступчивость, упрямость, наличие своего мнения, что было заметно уже в таком юном возрасте.

В общем, Лариса ничего не могла поделать. Потом ее друг и сам понял, что отношения не складываются, и в их доме перестал появляться, довольствуясь встречами в ресторане, театре и других общественных местах.

Лариса вспомнила о времени. До встречи оставалось два часа. Наверное, она успеет еще заскочить в косметический салон. И хотя Владимир постоянно подчеркивал, что без косметики она нравится ему гораздо больше, привычка, выработанная за годы совместной жизни с новым русским, брала свое. Прическа должна быть прической, а макияж тщательно наложен и подобран к одежде.

Такая тщательная подготовка к встрече была вызвана тем, что это свидание, собственно говоря, было первым за последние две недели. Все как-то не получалось. Путов звонил регулярно, но у Ларисы каждый раз находились какие-то дела, и встреча переносилась.

Но сегодня она твердо решила, что свидание состоится. На самом высшем уровне. Она еще раз украдкой посмотрела на часы и решительно встала из-за стола. Пройдя по коридору и выйдя в зал, она отыскала глазами Степаныча, который сидел в углу. Тот сразу же подошел к ней.

– Я уезжаю, буду через два часа. Передай Никите, чтобы он приготовил Зеленый кабинет.

Степаныч понимающе кивнул. На его лице не отразилось никаких эмоций. Хотя Лариса была уверена в том, что, когда она отвернется, Степаныч ехидненько усмехнется и что-то ворчливо пробурчит себе под нос. Такой уж у него характер. Однако на него можно было положиться в том плане, что о слабостях своей начальницы он никому не проболтается.

В косметическом салоне все было по-прежнему. Единственным изменением со дня последнего посещения Ларисы – а оно было две недели назад, как раз перед последней встречей с Владимиром, – было то, что вернулась с отдыха ее закадычная подруга Эвелина Горская.

Собственно, общение выжалось лишь в неумеренной болтовне, которую Лариса вела с этой стильной и уверенной в себе дамой лет тридцати пяти. Темы разговора были исключительно женскими: блузочки, юбочки, загар, внешность мужчин, гороскопы и прочее. Словом, вопросы философского осмысления бытия между ними никогда не поднимались.

За пределами косметического салона Лариса с ней не встречалась. И, увидев ее сегодня на рабочем месте, внезапно подумала, что, наверное, вне антуража салона, без этой магии зеркал и блестящих тубиков и баночек на полках, общение с Эвелиной потеряет свою прелесть.

– Ларочка, боже мой! – Улыбка на устах Эвелины засияла ярче солнца за окном.

– Привет, Лина, – ответила Лариса. – Мне необходимо сегодня сделать все как обычно.

Эвелина понимающе кивнула и тут же обрушила на Ларису рассказы о своих приключениях на Черноморском побережье. Разумеется, вокруг нее там царил полный аншлаг мужского внимания, сплошные рестораны, «Мерседесы» и дорогие вина. Только она, несмотря на многочисленные ухаживания, осталась холодна.

Как, собственно, и предполагалось заранее. Несмотря на свою внешнюю экзальтированность и женственность, внутренне Эвелина была очень холодной, эмоционально скованной женщиной. Может быть, поэтому любовники менялись у нее как перчатки, а до серьезных отношений дело никогда не доходило.

Непонятно почему в преддверии встречи с Путовым Ларисе захотелось пожалеть свою подругу. Она не решилась сделать это вслух, просто одарила ее грустным взглядом, уже выходя из салона. Сама же она, наоборот, чувствовала свое превосходство над холодной Эвелиной, так как отправлялась на встречу с человеком, который ей действительно был небезразличен.

Лариса вернулась в ресторан за полчаса до прибытия Владимира. Она сразу прошла в так называемый Зеленый кабинет. Там уже все было готово. Никита, молодой человек, ответственный в ресторане за различного рода нештатные ситуации, как всегда, четко справился со своими обязанностями. Собственно, дизайн кабинета когда-то был разработан самой Ларисой. Поскольку у нее были зеленые глаза, она специально повесила здесь зеленые шторы с зелеными же ламбрекенами. А в прошлом году кабинет был обставлен еще и изящными зелеными стульями в стиле чиппендейл. Стулья были самыми настоящими английскими, имитировавшими этот стиль.

Картину венчал диванчик с гнутыми ножками. На столе в кабинете уже стояли две свечи в вазах, две мимозы и еловые веточки. На полу находилось ведерко со льдом и шампанским.

Лариса нетерпеливым движением поправила волосы. Сегодня она особенно ощущала это сладкое внутреннее напряжение, предшествующее встрече с любимым.

Наконец часы на стене пробили половину первого. И тут же раздался стук в дверь.

Владимир был человеком пунктуальным и любил повторять фразу насчет точности – вежливости королей. Он выглядел импозантным и стильным. Этому способствовала его внешность: это был высокий, среднего телосложения брюнет с благородным греческим профилем. Хотя сам он предпочитал считать себя наследником скандинавско-древнерусского этноса.

Где-то в каких-то анналах своей родословной он отыскал некие намеки на то, что род Путовых по женской линии происходил не от кого-нибудь, а от самих смоленских Рюриковичей. Этим обстоятельством Путов очень гордился и при всяком удобном случае его подчеркивал. И даже его хобби, как ему казалось, соответствовало его аристократическому происхождению. А оно заключалось в разведении роз.

Этим он занялся в полной мере после своего развода с первой и единственной женой. От брака остался сын, и первое время он жил вместе с матерью. Но спустя год после развода случилось несчастье – бывшая супруга Путова попала в автокатастрофу и погибла. Владимир был вынужден взять сына под свою опеку. Вернее, передать его на воспитание своим родителям, поскольку сам, в силу занятости на работе, был не в состоянии им заниматься.

Ему было тридцать лет, и он был на четыре года младше Ларисы. Это его ни в коей мере не смущало, так как он считал ее одной из самых красивых женщин, встретившихся на его пути. И возраст абсолютно не был помехой в их отношениях.

А Ларисе, в свою очередь, льстило внимание молодого, пускай и относительно, мужчины.

Он вошел в кабинет, держа в руке букет из трех синих роз. Эти розы он вырастил в своей собственной оранжерее специально для Ларисы. Хотя, учитывая ее любовь к зеленому цвету, он был бы рад вывести сорт зеленых роз, однако пока его способностей селекционера для этого было явно недостаточно.

– Лариса Викторовна, встречайте Владимира Игоревича с маленьким презентом, – напыщенно произнес Путов с порога.

Лариса улыбнулась и встала навстречу Путову. Она приняла из его рук букет, обняла и поцеловала.

– Я сегодня попросила приготовить для тебя ирландский гуляш, – сказала она.

– Отлично. Это должно поднять мне настроение.

– А что, есть какие-нибудь проблемы? – Улыбка не сходила с лица Ларисы.

– А! – отмахнулся Владимир.

– Ты мне обещал сказать нечто важное...

– Нечто важное заключается безусловно в том, что ты – самая прекрасная женщина на свете, – ответил Путов.

– Безусловно, – тут же согласилась Лариса. И спустя секунду добавила: – И это все, что ты хотел мне сказать?

– А что, этого мало? – в свою очередь удивился Путов, подняв свои брови в знак полнейшего изумления.

– Конечно, нет.

В этот момент зашел официант и принес на подносе закуску.

– Как всегда, великолепно, – отведав ложечку, произнес Владимир. – Но это готовила не ты!

– Почему ты так решил?

– Потому что я это чувствую.

– Правильно, не я. У меня сегодня, к сожалению, было мало времени.

– Все равно отлично, не оправдывайся, – успокоил ее Путов.

После того как первый бокал шампанского был опорожнен и по телу Ларисы уже разлилась первая волна опьянения, Володя вдруг сказал:

– Меня шеф посылает в командировку на четыре дня. Мы, к сожалению, вряд ли увидимся раньше субботы.

Лариса немного расстроилась и спросила:

– Куда хоть едешь-то?

– В Сочи! – важно ответил Путов, как-то особенно гордо вскинув голову.

– Эх, вот это да! – рассмеялась Лариса. – И что же ты там собираешься делать? С кем подписывать договора? С девочками в купальниках, что ли?

Путов отвернулся и тяжело вздохнул:

– Нет, он мне поручил встречу с одним человеком из Москвы. Вопрос надо решить срочно, а человек как раз отдыхает на югах. Вот я и еду.

– Ну и прекрасно, съездишь, развеешься. Небось летом еще никуда из Тарасова не выезжал.

Путов молча согласился и налил себе и Ларисе еще по одному бокалу шампанского. Официант принес горячее, и они продолжили трапезу. Наконец, поглотив суп, Путов решительно встал, подошел к двери и закрыл ее на ключ. Потом он вернулся и сел рядом с Ларисой на диван.

– Пошло все к черту! – неожиданно воскликнул он, рубанув рукой воздух. – Люблю я тебя, Лариса!

И обнял ее за плечи. Проведя рукой по ее золотистым волосам, он обнажил ей шею и стал жадно целовать. У Ларисы слегка перехватило дыхание.

– Ты что? Что с тобой такое? – Слова ее едва прорывались сквозь тяжелое дыхание.

Путов не отвечал, продолжая ласкать Ларису. Его рука постепенно начала движение вниз, к пуговицам блузки. Он уже успел расстегнуть одну из них. Лариса не сопротивлялась, она сама обхватила руками голову Владимира и легонько пальцами ерошила ему волосы.

Рука Путова опустилась еще ниже, он расстегнул еще две пуговицы, его рука скользнула внутрь. Лариса почувствовала, что румянец заливает ее лицо. Ощущение возбуждения нарастало, и стало ясно, что к следующему блюду они, видимо, так и не приступят.

Но вдруг откуда-то из недр брюк Путова противно зазвучал звонок его сотового.

– Блин горелый! – вырвалось у него.

Он замер и на секунду задумался. Раздумье продолжалось недолго, он раздраженно отодвинулся от Ларисы и полез рукой в карман. Вынув оттуда сотовый, он нажал на кнопку и сказал в аппарат:

– Алло.

Разговор продолжался недолго. Путов произносил только неопределенные междометия типа «Угу», «А?» и «Да». Окончив разговоривать, он бросил трубку на диван, откинулся на его спинку, закрыл глаза и тихо произнес:

– Шеф требует меня к себе прямо сейчас.

- В таком случае езжай, – быстро отреагировала Лариса, застегивая пуговицы на блузке.
- Если бы ты знала, как я этого не хочу...
- Ничего не поделаешь, такова жизнь, – философски изрекла Лариса.
- Вечером мы, конечно, увидаться не сможем, – с тоской и обреченностью вымолвил

Путов.

– Нет, мне надо сегодня побыть с Настей. У нее что-то в последнее время тихо отъезжает крыша. Все ей не так, постоянные капризы и противоборство.

– Переходный возраст, – констатировал Путов, вставая с дивана. – Ладно, я уезжаю завтра утром, поэтому, к сожалению, мы расстанемся до следующей недели.

Он подошел к зеркалу, висевшему в углу, расческой провел по волосам, убедился, что выглядит нормально для того, чтобы появиться в приличном обществе, и направился к Ларисе, она поднялась ему навстречу. Он поцеловал ее, нежно потрепал по плечу и, не оборачиваясь, вышел из кабинета.

Оставшись одна, Лариса допила шампанское, оставшееся в бутылке, и почувствовала, что уже достаточно опьянела.

Остаток дня прошел как обычно, однако Лариса чувствовала легкую грусть от предстоящей разлуки.

Глава 2

Геннадий Андреевич Филимонов проснулся раньше своей жены. Он молча посмотрел на ее профиль, потом тяжело вздохнул и стал подниматься.

Кряхтя, он встал с постели и прошел к зеркалу. Он лишь мельком взглянул на свою достаточно мясистую, плотную физиономию, похожую на средней величины арбуз. Геннадию Андреевичу в этом году исполнилось сорок два года. И грех было ему особо жаловаться на свою судьбу. Он возглавлял ассоциацию под названием «ГФ» – аббревиатура являлась производной от его имени и фамилии. Ассоциация занималась охранной деятельностью и обслуживала массу объектов в городе. А главу ее многие окружавшие Филимонова люди часто и в лицо, и за глаза называли Гээфом.

Материальное положение у него было устойчивым и позволяло Филимонову иметь престижную иномарку и двухэтажную квартиру в одном из домов, построенных недавно в Волжском районе Тарасова.

Жена его, Мария Владимировна Филимонова, была на четыре года его младше. Так получилось, что детей у них не было, – у Маши было бесплодие, а Геннадию Андреевичу было вполне достаточно двоих детей от первого брака.

Словом, Филимонов являлся главой обычной провинциальной семьи бизнесмена средней руки. И это июльское утро, когда он, как обычно проснувшись раньше жены, встал с постели и собрался ехать на работу, не предвещало ничего дурного.

Ровно в восемь пятнадцать, как всегда, раздался звонок в дверь, и Филимонов через экран домофона увидел лицо своего постоянного охранника Игоря.

Он открыл дверь и пустил парня внутрь.

– Подожди, я закончу завтракать, – пробасил Филимонов и принялся доедать булочку с марципаном, запивая ее кофе со сливками.

Геннадий Андреевич был мужчиной достаточно крепкого телосложения, но в последнее время эта крепкость начала разбавляться слоем жира, который завоевывал все больший ареал на его теле: и спереди – то есть на животе, и сзади – и так понятно где...

Филимонов особо не обращал на это внимание, тем более что где-то недавно вычитал признание одной из кинозвезд: «Толстые мужчины иногда бывают очень сексуальными». Применив к себе данное высказывание, Филимонов жил спокойно и никаких комплексов насчет своей внешности не испытывал. Поэтому он не соблюдал никаких диет, более того, ел он помногу и не привык себе ни в чем отказывать. Девизом его было высказывание одного из великих: «Еда – основа жизни».

Однако, несмотря на то что он был мужчиной крепким и умел при случае постоять за себя, Геннадий Андреевич держал при себе постоянного охранника. Возможно, потому, что возглавлял соответствующего рода организацию. Да и вообще, всякое могло быть...

В половине девятого с завтраком было покончено, и Филимонов в сопровождении Игоря вышел на улицу. Сразу же их ослепили яркие лучи июльского солнца. Филимонов забыл дома солнечные очки и поэтому тут же закрыл глаза ладонью.

«Черт побери», – только и успел подумать он, как внезапно ноги у него подкосились, и он упал на асфальт перед своим подъездом, больно ударившись локтем.

Рядом послышался сдавленный стон. Какие-то неизвестные напали на его охранника Игоря и двумя достаточно профессиональными ударами сбили его с ног. Нападавших было трое. Когда Игорь оказался на земле, хулиганы, в нарушение всех правил честного боя, буквально замесили его ногами, вдобавок еще и выкрутив руку. Игорь издал еще один сдавленный звук и, немного погодя, затих.

После этого Филимонов, который сделал попытку подняться с асфальта, получил удар кулаком в лицо.

– Вы кто? – спросил он, снова оказавшись на земле и не видя нападавших в лицо. – Что вам надо?

Обычно в экстремальных ситуациях чувство хладнокровия его не покидало, и он сохранял способность рационально мыслить.

– Все мое время, – прошипел голос над Геннадием Андреевичем. – Сейчас, короче, отдыхайте пока...

И, угостив Филимонова напоследок легким пинком под зад, неизвестные быстро побежали за угол.

Филимонов долго не мог прийти в себя. Игорю пришлось тяжелее – бандиты уделили ему больше внимания. Это было и понятно, поскольку он казался опаснее в силу молодости. Он очухался позже Филимонова и виновато посмотрел на шефа. Было ясно, что Филимонов вместе со своим охранником этот бой проиграли – они не успели вовремя завернуть за угол, где стояла оставленная неизвестными машина, и, соответственно, запомнить ее марку и номер.

– Ну, ты как? – спросил у Игоря шеф, уже достаточно прочно стоя на ногах.

Тот не мог пока еще встать и продолжал сидеть на ступеньках подъезда дома.

– Хреново... С-суки, б... Я вообще ничего не понял, – выдавил из себя охранник.

– Ладно, ничего, бывает, – почти ласково сказал Филимонов и совсем уже другим тоном добавил: – Разберемся!

В интонации Филимонова были заметны элементы ярости и гнева. Тут Геннадий Андреевич огляделся. Его внимание привлекло не то, что на противоположной стороне улицы уже собралась небольшая толпа зевак в количестве четырех человек, а собственная машина. Дело в том, что за рулем сидел его персональный водитель.

«И что же это такое – когда босса вместе с охранником бьют, ты остался в стороне? – читалось во взгляде Филимонова. – Пускай это и не входит в прямые функции шофера. Все-таки как-то не по-мужски...»

– Смотри, Игорь, а чего это он струсил-то? – спросил Филимонов у охранника, показывая на машину.

Дмитрий сидел за рулем, откинувшись в кресле.

– Опять наверняка включил свои дурацкие наушники, – зло произнес Игорь. – Ну, сейчас я тебе покажу, меломан, твою мать...

И заковылял к машине. Каково же было его удивление, когда он увидел, что Дмитрий банально спит, а уши его не загружены ничем, кроме серы. Его рот был открыт, а поза, в которой он сидел, выглядела крайне неестественно.

Игорь просунул голову в окно. Запах, который распространился по всему салону, не оставлял никаких сомнений – это был хлороформ. Следовательно, хулиганы постарались за те пятнадцать минут, пока Филимонов заканчивал свой завтрак, сначала вывести из строя его шофера, чтобы потом заняться и им самим, и Игорем.

– Геннадий Андреевич, его хлороформом задавили, – сообщил шефу Игорь.

Филимонов нахмурился.

– Ладно, давай, берем его под мышки – и домой ко мне, – хмуро сказал Геннадий Андреевич.

– Может, подкрепление вызвать?

– Не надо, обойдемся, – возразил шеф. – Они, – он кивнул в сторону, куда скрылись бандиты, – уже не вернуться, а с ним мы и вдвоем справимся.

Игорь пожал плечами и стал вытаскивать Дмитрия из машины. Спустя десять минут его благополучно доставили в квартиру. Там всю троицу встретила обеспокоенная Мария Владимировна, законная супруга Гээфа.

– Что случилось?

Филимонов, сохраняя невозмутимость, выдержал паузу, наблюдая за тем, как Игорь размещает Дмитрия на диване, потом снизошел до того, чтобы посмотреть на жену, и сказал:

– Какие-то сволочи на нас напали.

Брови жены совершили удивленное движение вверх.

– За что? Почему?

– Маша, прекрати задавать вопросы, на которые я не знаю ответа. Я же тебе говорил, что не все так просто сейчас в нашей жизни!

Филимонов строго посмотрел на жену. Та порывалась что-то сказать, но в присутствии подчиненных мужа сделать это не решилась и направилась в сторону кухни.

– Игорь, тебе, наверное, придется теперь отлеживаться, – сказал Филимонов, закурив сигарету в ожидании, пока жена принесет из кухни кофе.

– Да надо бы, но ведь... – неуверенно заговорил Игорь, морщась при каждом движении.

– Ну что еще?

– Так ведь денег-то от этого не прибавится... К тому же на мне заживает все как на собаке. Я завтра как новенький буду, Геннадий Андреевич.

Филимонов скептически посмотрел на своего сотрудника. Действительно, Игорь при нем был давно, и шеф знал, что после одной серьезной переделки он вылез из больницы буквально за несколько дней. Хотя травмы тогда были, может быть, и посерьезнее, чем сейчас.

– Ну ладно. – Филимонов затушил бычок в пепельнице. – Я тебя поставлю начальником смены в ресторан «Чайка», к Котовой. Думаю, ты вполне справишься... Подлечишь руку, примешь нормальный вид, потом вернешься...

– Вы, надеюсь, не очень это... Ну...

– Чего ты мнешь слова, как женские сиськи? – раздраженно воскликнул Филимонов. – Неужели сложно научиться называть вещи своими именами?

– Вы... не разочаровались во мне, Геннадий Андреевич?

– А ну тебя в баню! – отмахнулся Филимонов.

– Просто их было трое. Потом я, ей-богу, не ожидал...

– Думаешь, я ожидал, – проворчал в ответ Филимонов.

– А вообще, как думаете, кто это?

– Я пока над этим не думал, – отрезал в ответ шеф. – К тому же в это я попрошу тебя не лезть. Вообще не лезь туда, куда не положено. Ясно?

Игорь вместо ответа кивнул и нахмурился. В комнату вошла Мария Владимировна и поставила перед мужчинами две чашки черного кофе и вазу с печеньем.

В этот момент зазвонил телефон. Филимонов снял трубку и услышал знакомый звонкий голос президента банковской ассоциации «Двадцать первый век» Николая Ястребова.

– Алле, Геннадий Андреич, привет!

– Что так, с утра пораньше? – недовольно пробурчал Филимонов.

– Дело в том, что я уезжаю сегодня с ночевкой на базу отдыха развлекать гостей из Словакии. Хотел уточнить, во сколько завтра собрание ассоциации...

Филимонов слегка задумался.

– На час дня вроде бы назначали, – наконец произнес он.

– О'кей, – почти с пионерским задором отреагировал Ястребов. – Насчет кредита поговорим, а то Березов уже забодал меня.

– У тебя – все кредиты, а у меня – сплошные радикулиты, – съязвил Филимонов. – Слушай, Коля, на тебя никогда утром не нападали, когда ты выходил из подъезда?

– Нет! – бодро ответил Ястребов. – Я один раз прямо-таки почувствовал, что на меня нашьют киллера, и не ночевал у своей любовницы. А вместо меня киллер грохнул ее мужа –

представляешь, какой пассаж! – И громко заржал в трубку. Отсмеявшись, он серьезно спросил: – А что случилось-то?

Филимонов уже был готов рассказать об утреннем происшествии, как вдруг передумал и сказал Ястребову, что сейчас ему позвонил старый клиент и сообщил о том, что на него напали. Ястребов не проявил к информации никакого интереса и, распрощавшись с Филимоновым, отключил связь.

«Черт возьми, – выругался Филимонов. – Везет мальчишке! Едет на базу развлекать гостей... Да наверняка все переговоры будет проводить Березов, а он будет только демонстрировать свою голливудскую улыбку и отбирать для гостей девок. По этому делу он большой мастер...»

Ястребову было всего двадцать шесть лет, и банк он возглавлял чисто номинально, а действительным владельцем его являлся некто Роман Березов, по кличке Боцман. Этот человек был, что называется, из тех, кто связан с мафией. То есть его капиталы были не совсем чисты, и несколько раз в моменты разгула дикого капитализма его вызывали для бесед в правоохранительные органы. Однако Березов сумел сохранить себя и как личность, и как предпринимателя, и к концу девяностых годов выглядел вполне солидно, и никакого криминального налета в нем не ощущалось. Осталась только кличка Боцман, данная ему непонятно кем в незапамятные времена. Формально Березов возглавлял другую структуру, менее значимую по официальным меркам – оптово-продуктовую контору «Маугли лимитед».

Он, Ястребов и Филимонов составляли лишь половину лиц, входящих в так называемую «большую шестерку». Вторую половину составляли двое братьев Шестаковых – Алексей и Борис, державшие под собой две фирмы, торговавшие оргтехникой и аудиовидеотехникой. И наконец, украшением этой компании была владелица акционерного общества «Ресторан «Чайка» Лариса Котова.

Весь этот, так сказать, конгломерат бизнесменов играл значительную роль на городской бизнес-карте Тарасова. То, что предприниматели объединились в ассоциацию, было вполне естественно. Ассоциация была призвана лоббировать интересы бизнесменов в органах власти, то есть проводить в депутаты своих людей. Кроме того, обсуждались и различного рода проекты, под которые банк Ястребова – Березова иногда ссужал деньги. Словом, инициатива не только поощрялась, но временами еще и оплачивалась.

Вот и завтра должно было состояться очередное совещание «шестерки», посвященное вопросу о кредите, который структура Филимонова брала займы у «Двадцать первого века» для осуществления прорыва на другом рыночном направлении, ранее Филимонову не свойственном.

Тарасовская кондитерская фабрика, давно уже дышавшая на ладан, была не один год предметом особого интереса Гээфа. И только сейчас, уговорив Березова и проведя соответствующую работу в структурах власти, он был готов купить ее на корню и попробовать перестроить производство. Под это дело «Двадцать первый век» дал Филимонову кредит в сто тысяч долларов.

Филимонов хотел было еще посидеть и подумать относительно того, что он скажет завтра на совещании, потом посмотрел на часы и понял, что уже пора ехать в офис.

– В «Чайку» езжай прямо сейчас, – сказал он Игорю, когда выходил из дома. – Я никому ничего рассказывать не буду, сам понимаешь... Мы – крупнейшее охранное агентство в городе, а тут – сапожник без сапог получается.

Игорь виновато опустил голову на грудь. Ему, прошедшему афганскую и чеченскую войны, безусловно, запахло было бы признаться, что его отделали, как мальчишку.

– Ничего, не волнуйся, – похлопал его по плечу Гээф. – Все будет как надо... Насчет нападения этого – я разрулю. Узнаю кто – гениталии выдеру к чертовой матери!

Дмитрия, который до сих пор находился под воздействием паров хлороформа, он оставил на попечение своей жены и обещал прислать в середине дня за ним человека.

Несмотря на протесты Игоря, Геннадий Андреевич решил ехать на работу на своей машине, сам находясь за рулем. Он завез Игоря в ресторан «Чайка», дал соответствующие распоряжения охране и поехал к себе в офис.

* * *

Лариса приехала на работу в то утро позднее, чем обычно. В прошедшую ночь она долго не могла уснуть, так как постоянно думала о встрече с Владимиром, которая состоялась накануне. Она не могла объяснить себе до конца, почему так встревожена. Она лишь была уверена в том, что с Владимиром что-то не в порядке. Прошлым вечером масла в огонь подлила Настя, которая заявила ей о своем категорическом отказе ехать вместе с бабушкой на дачу. Лариса хотела отправить дочь туда, чтобы иметь возможность хотя бы ненадолго беспрепятственно встречаться с Путовым или даже уехать куда-то вместе.

Конечно, они могли встречаться и у него, но Лариса предпочитала такого рода встречи проводить обязательно на своей территории. То есть там, где она имела полную возможность определять правила игры.

Или на территории нейтральной, что лучше всего, – например, в ресторане или в обстановке солнечного курорта. Однако пока что судьба распорядилась так, что на курорт Володя отправился один, притом по какому-то, как ей показалось, сомнительному делу. Впрочем, это были всего лишь догадки.

Прибыв в ресторан, она сразу же заметила в холле новое лицо. Темные очки на физиономии этого парня не могли скрыть свежие синяки, которые весьма явно на ней проступали.

– Это что еще такое? – недовольно спросила она Степаныча, который подошел к ней с обычным утренним докладом.

– Наш новый начальник смены охраны, – лаконично ответил заместитель.

– Да? – скептически покосилась Лариса. – Такое впечатление, что этого начальника с утра пораньше фейсом, что называется, об тейбл били раз сто пятьдесят.

– Что-что? – переспросил Степаныч, который в школе изучал немецкий язык.

– Лицом об стол! – перевела ему Лариса.

– Ну, может быть, – невозмутимо ответил Степаныч.

Лариса еще раз посмотрела на нового начальника смены и про себя заметила, что начинает походить на своего заместителя – вечно чем-то недовольного брюзгу. Вдруг она узнала этого парня – это ведь охранник самого Гээфа, Игорь! Интересно, что это он здесь делает? И рука у него как-то неестественно болтается...

Настроение Ларисы с утра было не ахти, и она подумала, что, наверное, стоит высказать завтра на совещании «шестерки» Филимонову свое фи. Ведь это же полная профанация имиджа ресторана «Чайка» как элитного заведения города! Безобразие просто какое-то!

Продолжить далее свои рассуждения по поводу охраны ей не дал Степаныч, который снова, как и вчера, привязался к ней с проблемой мяса. Оказывается, у Людмилы, у которой вчера было решено закупать говядину, она была все же на два рубля дороже, чем у предыдущего поставщика. Радетельный Степаныч указал на это Ларисе и замолчал, ожидая ее решения.

– Ладно, я подумаю, – ответила она, но ей сейчас было совершенно не до проблемы с мясом.

Она уткнулась в бумаги на столе, явно намекая этим, что Степанычу пора оставить ее в покое и выйти из кабинета.

Заместитель и так уже все понял и направился к выходу. Он хотел было что-то сказать, но потом неожиданно махнул рукой и исчез за дверью.

И в этот момент зазвонил телефон. Лариса сняла трубку и услышала голос, который показался ей знакомым.

– Алло, Лара, слава богу, я тебя отыскала! – Женщина говорила капризным и манерным тоном.

– Алло...

– Ты что, не узнаешь меня? Ну надо же! Это же я, Света Гордеева! – Голос стал еще более капризным.

Лариса чуть было не хлопнула себя по лбу. Света Гордеева была ее старой подругой и два года назад уехала в Москву – сразу после некрасивой истории с мужем, который оказался подлецом и пытался подставить ее под уголовное преступление, надеясь таким образом выгодно с ней развестись. И тогда, во многом благодаря Ларисе, планы Светинового мужа потерпели крах.

Сейчас Светлана жила в Москве, родила сына от женатого мужчины – там была история любви – и даже умудрилась найти себе в столице какого-то выгодного жениха. Они с Ларисой общались, по причине географического характера, мало. И тем более удивительно было то, что она позвонила именно сегодня. И судя по всему, звонила не из Москвы, а отсюда, из города.

– Я только что с вокзала. У меня для тебя интересные новости, – сообщила Ларисе Гордеева. – Я сейчас приеду к тебе в «Чайку». Надеюсь, ты меня примешь как обычно.

– Конечно, конечно, – засуетилась Лариса.

Последний раз они виделись три месяца назад. Встреча была мимолетной, поскольку Лариса тогда только что познакомилась с Путовым и была полностью поглощена романом, а Света заглянула к ней в не совсем подходящий момент. Она приезжала в Тарасов всего на один день, и особо содержательного общения тогда не получилось.

Естественно, Лариса сейчас распорядится накрыть на стол и встретит подругу по высшему разряду. Она посмотрела на часы и решила, что если Света соберется быстро, уделив на этот раз макияжу чуть меньше времени, то она успеет и поговорить со старой подругой, и вовремя попасть на встречу с деловыми партнерами, которая была запланирована на два часа.

– Света, только давай через полчаса, не опаздывай, – попросила подругу Лариса. – У меня еще много дел на сегодня. А я знаю, что у тебя куча новостей. Может быть, перенесем все-таки на вечер? Заедешь домой, Настя будет рада...

– Нет, Ларочка, вечером я уже уезжаю назад, в столицу. А новости у меня для тебя действительно очень интересные.

«Господи, может быть, она снова вляпалась в какую-нибудь историю?» – грешным делом подумала Лариса, но потом сама испугалась своей мысли.

– Приезжай сейчас, – твердо сказала Лариса и повесила трубку.

Света оказалась на этот раз на удивление пунктуальной. Она прибыла ровно через полчаса. Лариса даже изумилась, поскольку ее подруга не отличалась точностью и обязательностью и, в отличие от Ларисы, была типичной женой нового русского. То есть если убрать налет больших денег и респектабельности, она, по сути, являлась просто скучающей домохозяйкой. Следовательно, понятие времени для нее заключалось в четырех категориях: утро, день, вечер и ночь. Такие вещи, как часы, минуты и тем более секунды, ее интересовали мало.

– Привет! – Света забежала в кабинет запыхавшаяся, обдав подругу ароматом «Леонарда» и подставляя щеку для ритуального поцелуя.

– Садись, отдохни здесь немного. Скоро мы пойдем в Зеленый кабинет, там уже должно быть все готово для встречи, – улыбнулась в ответ Лариса.

– Я так полагаю, что ты там не только с подругами встречаешься? – игриво спросила Света и, не дожидаясь ответа, тут же выдала свое заключение по вопросу межполовых отношений. Оно не отличалось особой оригинальностью. – Какие же все-таки мужики сволочи, а! – произнесла Света, усаживаясь на стул.

– Что там у тебя такое произошло? Опять какие-то иллюзии насчет мужской верности?

– Нет, никаких иллюзий, что ты! – отмахнулась Гордеева. – Я думаю, ты и сама все прекрасно понимаешь.

– Насчет чего? – удивилась Лариса.

Света метнула на подругу быстрый взгляд, улыбнулась и, слегка поправив прическу, глядя в зеркало напротив, начала:

– Представляешь, вчера в Белокаменной видела твоего Евгения. С очередной шлюшкой, абсолютнейшей мымрой, взглянуть страшно. Ни кожи ни рожи, да и... Словом, одевается как в колхозе «Нижедыровский».

– Это совершенно неудивительно. Он совсем опустился, как только я его бросила, – невозмутимо парировала Лариса.

– Ну вот, он мне даже не кивнул, хотя наверняка заметил. Отвернулся, словно стыдно ему было. Он тебе хоть помогает? – Во взгляде Светланы промелькнули нотки сочувствия.

– Да я и сама могу обеспечить и себя, и Настю! – с некоторым вызовом ответила Лариса. – Разве в этом дело? Когда людей уже не связывают чувства, какая разница? В моем-то положении... Да хоть и не помогал бы. – Голос Ларисы несколько погас, она погрузилась. – Настя вот только к нему очень привязана, сама не пойму, почему. А так – да пусть хоть на всей Москве каждый вечер женится, а утром разводится! – Лариса снова начала заводиться.

– И правильно! – поддержала подругу Света. – Абсолютно правильно! Только это, Ларочка, еще не все...

Гордеева вдруг посмотрела на подругу с нескрываемой жалостью. Лариса заметила новые оттенки в настроении подруги и состроила недоуменную мину.

– Помнится, тогда, весной, – Света пощелкала пальцами, – ну, когда я к тебе приходила...

– Ну? – нетерпеливо подбодрила ее Лариса.

– Я видела у тебя такого интересного мужчину, он еще поразил меня своей царственной осанкой, как будто император какой...

– Продолжай.

– Его я сегодня видела, Лара.

– Ну и что? – Лариса уже основательно напряглась.

– Тебя вообще с ним что-нибудь связывает? – внимательно посмотрела Гордеева на подругу.

Лариса чуть помедлила и после небольшой паузы сказала:

– Ну, скорее да, чем нет.

– Тебе, должно быть, интересно, куда он сегодня направился?

– В командировку, – пожалала плечами Лариса. – Ты, надо полагать, его видела на вокзале?

– Ты удивительно догадлива, Лара. На вокзале, где же еще!

– Ну, естественно, потому что ты, кроме вокзала, в городе вряд ли где успела еще побывать.

– Он садился на адлерский поезд.

– У него командировка в Сочи.

– А про то, с кем он туда отправился, он тебе ничего не говорил?

– Нет. – Ларису внезапно охватило раздражение по поводу самого тона беседы, который с самого начала взяла Гордеева. – Ты можешь сказать четко и ясно, без всяких недомолвок?

– Могу. Вместе с ним была жена Генки Филимонова, Машка. Когда вы тут организовывали ассоциацию, ты меня с ней как-то познакомила.

– Маша? – искренне удивилась Лариса.

– Ну да. Они очень романтично смотрелись на перроне, держась за руки и раскуривая сигареты перед отходом поезда.

Внутри Ларисы пробежал неприятный холодок. Она непроизвольно нахмурилась и сжала руки в кулаки. Поймав взгляд Светланы, который стал еще более жалостливым, она взяла себя в руки, отвернулась и пробормотала:

– Чушь какая-то...

– Я точно уверена, что это была Маша, – твердо повторила Гордеева.

– Но она же... не имеет никакого отношения к бизнесу, сидит дома и ничего не делает.

– Ну, вот то-то и оно, – поддакнула Света. – А почему-то отправилась вместе с ним. А что, это действительно для тебя так важно?

Светлана встревоженно посмотрела на Ларису, которая выглядела совершенно потерянной и расстроенной. Она сама удивлялась тому, что происходило у нее в душе. Лариса вдруг сразу потеряла привычную уверенность в себе и почувствовала даже некоторую отчужденность и отстраненность от всего, что происходило вокруг.

Это продолжалось, надо сказать, недолго. Все же она привыкла держать себя в руках в разных критических ситуациях. Кроме того, слова Светланы – это еще не подтверждение того, что ее Володя и Маша Филимонова состоят в нежных отношениях. Мало ли что, в конце концов, может быть?! Ерунда какая-то... Она представила Володю и Машу рядом и сказала решительное «нет» по поводу их предполагаемого романа.

Мысленно успокоив себя тем, что до конца еще ничего не ясно, Лариса вдруг вспомнила, что в Зеленем кабинете, должно быть, остывает обед, приготовленный для нее и Светланы.

– Пойдем поедим, что ли! А то ты меня совсем заговорила, – сказала Лариса, стараясь говорить в свойственной ей оптимистичной манере.

– Ты не опоздаешь на свою встречу?

– Нет, время пока терпит. Свои новости ты изложила достаточно емко и быстро.

В тоне Ларисы слышалось некоторое раздражение, ей казалось, будто Светлана специально приехала к ней, чтобы расстроить ее сразу по двум пунктам: насчет Евгения и по поводу Владимира.

– Ты извини, Лара, если я тебя расстроила, – стала извиняться Света, как только вошла в кабинет. – Я, ей-богу, не хотела...

Лариса скептически поджала губы. Конечно, Света являлась ее подругой, и подозревать, что она нарочно хотела сделать ей больно, было бы чересчур. Но... Может, правы те, кто говорят, что не бывает верной женской дружбы. Может быть, подсознательно Светлана завидует ей, такой сильной и, что греха таить, более удачливой в жизни женщине, чем она. Хотя, какая тут, к черту, удача?! Муж начал раскованную жизнь с московскими бесстыдницами, а любовник, если вдруг допустить самое неприятное, просто-напросто изменил ей!

И с кем! Господи боже мой! Она мысленно представила себе лицо Маши Филимоновой. Ей же тридцать восемь лет! А ему тридцать. Это уже пахнет альфонством! Она вспомнила, как в прошлом году чуть не попала под обаяние брачного афериста по имени Виктор и сама могла стать жертвой мужского коварства.

Лариса тут же рассердилась на себя. Нет, необходимо сейчас же взять себя в руки. Тем более, что скоро встреча с деловыми партнерами, где ее эмоции совершенно никому не нужны.

Тут вошел официант, который принес на подносе первое и отвлек внимание Светланы. Она начала расспрашивать его о том, из чего приготовлено это блюдо, и, таким образом, обстановка несколько разрядилась.

Обед прошел довольно скучно. Лариса, изо всех сил стараясь выглядеть невозмутимой, рассказала Светлане о последних вывертах своей дочери и посетовала на сложности переходного возраста. Света в свою очередь рассказывала о радостях материнства, о том, какой справненький растет у нее сынок и какую прекрасную няню за пятьсот долларов в месяц она ему наняла. Затем разговор переключился на блузочки, юбочки, брючки и сабо, и Лариса почувствовала, что уже начала отходить от того, что волновало ее последний час.

Наконец пришло время расставаться, и Светлана, вытерев губы салфеточкой, как всегда, поблагодарила подругу за великолепный обед.

– Еще раз извини, Ларочка. Я с удовольствием бы посетила тебя дома, но видишь – не получилось.

– Да, я все понимаю, – ответила Лариса.

– Ну пока, рада была тебя повидать, теперь скорее всего буду только осенью. – Света подошла к подруге и чмокнула ее в щеку.

Когда она удалилась, настроение Ларисы постепенно начало меняться в худшую сторону. Это было вполне естественно, поскольку информация, полученная ею, никак не могла повысить ее жизненный тонус. А мрачные мысли, словно осы, жалили ее, заставляя все больше и больше предаваться самоедству. А тут еще вошел Городов и снова поднял вопрос о поставщиках мяса. Это почему-то настолько взбесило Ларису, что она поднялась, с угрозой посмотрела на заместителя и заорала:

– Да ты что, вопрос о мясе не в состоянии сам решить? Какого хрена ты отвлекаешь меня от более важных дел? Мне скоро ехать на встречу, и у меня нет абсолютно никакого желания заниматься этой ерундой!

Степаныч, что называется, сразу же припух. Такого от своей начальницы он не слышал, наверное, никогда. Потарасив зенки примерно с полминуты, он решил, что с ней лучше не связываться, и, скептически сморщив физиономию, удалился.

Лариса, покурив и немного успокоившись, вышла в вестибюль и, встретив Городова, извинилась перед ним.

– Да, кстати, где наш новый секьюрити? – поинтересовалась она.

Степаныч пожал плечами:

– По-моему, куда-то срочно вызвали...

– Черт знает что происходит, – пробурчала Лариса и пошла к выходу. – Я сегодня уже не приду, – с порога бросила она Городову.

* * *

Остаток дня прошел спокойно. Встреча с деловыми партнерами удалась, Настя вечером была послушна и ласкова. Ко всему прочему в гости зашел старый приятель их семьи Стас Асташевский. Несмотря на то, что он был скорее другом Евгения, в их разрыве он обвинял именно его. К Ларисе он относился очень хорошо и где-то раз в месяц навещал ее.

Появление этого человека, столь добродушного, сколь и толстого, разрядило обстановку. Стас принес с собой бутылку качественного французского вина, и Лариса обрадовалась. Благоприятное успокаивающее воздействие алкоголя в этот вечер оказалось тем самым лекарством, которое ей было необходимо. Заснула она почти мгновенно, едва коснувшись подушки.

На следующий день утром она встала намного позже, чем обычно. Настя уже давно сама сварганила себе завтрак и не донимала маму. Лариса же, посмотрев на часы, поняла, что времени на переживания у нее практически не осталось. Необходимо было срочно приводить себя в порядок и ехать на так называемое совещание «шестерки», то есть в офис ассоциации «ГФ»...

Когда Лариса без десяти час вошла в зал заседаний, там уже царил оживление. За столом на почетном месте председателя, как всегда, возвышалась туша Геннадия Андреевича Филимонова. Рядом с ним, по бокам, сидели Роман Березов, или просто Боцман, худощавый мужчина с суровым колючим взглядом, и Николай Ястребов.

Последний являл полную противоположность своему визави. Можно было сказать, что среди больших взрослых дядек затесался симпатичный зеленый паренек. Ларисе всегда нравился этот молодой человек, прежде всего своим неиссякаемым оптимизмом и свежестью, которой буквально веяло от него. Сколько, должно быть, девчонок страдали и страдают по

нему! Ведь, помимо прекрасной внешности, Ястребов был еще и весьма обеспеченным человеком. Николай в свои двадцать шесть был не женат и, по слухам, имел кучу любовниц. В силу своего возраста – все-таки пик сексуальной активности – он умудрялся удовлетворять всех.

Эти двое представляли, по сути, одну и ту же структуру – банковскую ассоциацию «Двадцать первый век». Правда, официально Березов возглавлял оптовую контору, но фактически обладал контрольным пакетом акций в банке.

Следующие два стула рядом с Березовым занимали братья Шестаковы. У них были похожие друг на друга круглые, почти крестьянские лица. Видимо, они не совсем избавились от комплексов удалой юности, которая пришлась на начало девяностых, и носили на своих шеях крутые, с палец толщиной, цепняки. Гоблинскую сущность братьев не могли скрыть даже безукоризненно подобранные костюмы и галстуки. Лариса была уверена, что, если бы им это позволили коллеги, братья являлись бы на официальные мероприятия в кроссовках и спортивных костюмах, позвякивая ключами от иномарок и пожевывая жвачку.

Говорили они обычно шаблонными, примитивными фразами и занимали в ассоциации «ГФ» несколько подчиненное положение по отношению к другим. Ястребов, который был самым молодым из всех, прямо в глаза называл их Бивисом и Баттхедом, сравнивая их таким образом с дебилами из знаменитого мультика канала MTV. Братья не обижались. Их спокойный нрав был одним из немногих положительных качеств, присущих им. Они были весьма похожи друг на друга, оправдывая звание братьев-близнецов.

Лариса по очереди поздоровалась со всеми и заняла свое место рядом с Ястребовым.

– Как жизнь, Лариса Викторовна? – поинтересовался он с лучезарной улыбкой.

– Нормально, все по плану, – ответила она.

– А вот мне планы строить – бесполезное дело.

– Это еще почему?

– Да потому, что все равно получится не так, как задумал...

– Что-то странное с тобой творится, Николай, – удивилась Лариса.

– А что странного? Вот не думал не гадал, а недавно себе новую пассию завел. С-совершенно неожиданно! – Ястребов даже щелкнул пальцами.

– Я иногда удивляюсь, как ты можешь банком руководить, – снисходительно произнесла Лариса. – Одни девки ведь в голове!

– Ты бы одобрила мой выбор! – воскликнул Ястребов.

– С чего это ты вдруг решил?

– Потому что знаю...

Непринужденный разговор между Ларисой и Ястребовым был прерван, когда Филимонов взял наконец бразды правления в свои руки, попросил тишины и начал совещание.

Откашлявшись, он хриплым голосом начал вещать:

– Ну что ж, наше сегодняшнее заседание плановое. Поэтому начнем с текущих вопросов. На прошлой неделе нашей структурой было предотвращено ограбление магазина видеотехники «Мираж», который принадлежит нашим уважаемым братьям Шестаковым.

– Ну да, было, – тут же согласился Борис Шестаков.

– Там, правда, все было достаточно несерьезно.

– Точно, лохи какие-то, – поддержал разговор Алексей Шестаков.

– Но тем не менее, – чуть повысил голос Филимонов. – Хочу отметить этот факт.

Березов посмотрел на Филимонова несколько более хмуро, чем обычно, было видно, что он явно чем-то недоволен. Изложив историю с магазином, Филимонов перешел к другому вопросу:

– Законопроект о налоговых льготах, который мы решили протолкнуть через городскую думу, наверняка будет принят. Нами проведена работа с некоторыми депутатами. Разумеется, небезвозмездно... Но в целом ситуация благоприятная. Потом был разговор у нас насчет...

– Ген, ты лучше скажи насчет кредита – что за ситуация такая? – недовольно перебил Филимонова Боцман. – Твой зам, господин Путов, взял у нас сто штук зеленых, копии документов показывал, обещал привезти твое подтверждение и все никак не везет. Нет, ты пойми, мы – люди свои, – повысил он голос и сделал предупредительный жест рукой в сторону Филимонова, который пытался явно его перебить. – Но все же так дела не делаются...

– Мы понимаем, что планы – вещь хорошая, – продолжил рассуждения Боцмана Ястребов. – Прорыв на новые рынки, договор с правительством области и все прочее... Но нам необходимо ваше подтверждение, Геннадий Андреич! Я понимаю, что тогда приехал Путов, потому что вас не было в городе, и вопрос нужно было решать срочно. Однако порядок есть порядок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.